

А. П. Медведев

**К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ СКОТОВОДЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
II—I тыс. до н.э. (поиск новых подходов)**

В последнее десятилетие XX в. в отечественной науке явно обозначилась тенденция к постижению фундаментальных проблем исторического развития степной и лесостепной Евразии. В области археологии она наиболее ярко проявилась в поиске новых исследовательских подходов к изучению древних обществ, которые раньше в нашей науке однозначно рассматривались как позднепервобытные. В частности, это относится к переоценке уровня социокультурного развития скотоводов эпохи бронзы и раннего железного века, “непервобытный” характер которых становится все более очевидным. К пересмотру устоявшихся концепций исследователей побуждал ряд обстоятельств как объективных, так и субъективных обстоятельств. К 80-м гг. эти концепции чаще вступали в противоречие с новыми материалами, прежде всего с яркими результатами раскопок памятников эпохи бронзы типа Синташты и Аркаима. Их курганные некрополи содержали захоронения с колесницами и другим престижным инвентарем, а поселения выделялись сложными планировочными структурами радиально-круговой планировки и наличием укреплений¹. Изучение последних с каждым сезоном все нагляднее свидетельствовало о каком-то ином уровне социокультурного развития оставивших их сообществ, нежели допускала старая научная доктрина.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации по гранту ГОО -1.2-127.

С другой стороны, с 70-х гг. для оценки уровня социального развития скотоводов эпохи бронзы и раннего железного века российские ученые стали активно привлекать работы Ж. Дюмезиля, который, как тогда казалось, доказал изначальное деление обществ индоевропейцев и индоиранцев на три социальных слоя — жрецов, воинов и трудовое население². Обращение историков и археологов к богатому теоретическому наследию французского ученого стимулировало исследования по этносоциальной тематике и идеологии обитателей Евразийских степей II—I тыс. до н.э., нацеливало их на более конкретную социальную интерпретацию памятников³, хотя, как кажется, далеко не во всем

подтвердило его основную идею⁴. Появлению нового спектра оценок древних скотоводческих обществ безусловно способствовали достижения современной исторической антропологии и потестарной этнографии в изучении общетеоретических проблем социогенеза, в частности разработка понятийного аппарата для описания переходных ступеней от первобытно-общинного строя к классовому обществу и государству, таких, как “комплексное общество”, “раннеклассовое общество”, “вождество”, “раннее государство”⁵. Наконец, к пересмотру устоявшихся концепций многих исследователей побуждал цивилизационный подход, который стал активно внедряться в нашу науку с рубежа 80—90 гг. на смену ранее безраздельно господствовавшему формационному.

Не прошли мимо него и археологи. С начала 90-х гг. в отечественной археологической науке явственно ощущается стремление использовать ставшую ныне престижной новую “цивилизационную” терминологию к обществам эпохи бронзы и раннего железного века “степной и лесостепной Евразии и тем самым как бы “приподнять” уровень их исторического развития. Причем, на мой взгляд, в большинстве работ последних лет это достигалось не скрупулезным анализом и осмыслением источников, а чаще всего путем простого наложения ныне модного ярлыка “цивилизация” и производных от него на эти древние скотоводческие общества, хотя зачастую весь их облик, реконструируемый теми же археологами, во многом противился этому. В результате сам термин ставился впереди теории, еще до ее сколько-нибудь аргументированной, системной разработки. Но, как показывает опыт развития нашей науки, со временем такая оценка становится все более привычной, по существу приобретающая форму аксиомы, хотя нормальная процедура ее обоснования отсутствовала или базировалась на явной подмене понятий.

Пожалуй, раньше всего цивилизационный подход к древним обществам евразийских степей проявился в работах А. И. Мартынова, посвященных осмыслению такого яркого культурно-исторического явления раннего железного века, как “скифо-сибирское единство”⁶. Исследователь предложил интерпретировать этот феномен как особую степную цивилизацию кочевников. По его мнению, у скифов, саков, древнего населения Алтая и носителей тагарской культуры уже существовали государства. Однако практически никто из видных скифологов не поддержал эту смелую идею, хотя она вызвала в науке определенный резонанс. В 1990 г. в Отделе скифо-сарматской археологии Института археологии РАН было проведено специальное совещание по этой

проблеме. На нем специалисты по скифской, сарматской, сакской проблематике почти единодушно высказали достаточно обоснованное мнение, что совокупность своеобразных кочевнических культур Степной Евразии I тыс. до н. э. невозможно расценить как цивилизацию⁷. Против отнесения всех обществ “ранних кочевников” к этой стадии выступили и исследователи ранних цивилизаций⁸. В резюме совещания признавалась явно завышенная оценка А. И. Мартыновым уровня социально-политического развития народов — носителей культур “скифо-сибирского мира”. Другими исследователями также были высказаны весьма резонные сомнения в существовании даже “скифской цивилизации”⁹.

Тем не менее в новейшей кочевниковедческой литературе термин “цивилизация” встречается все чаще. Предпринимаются попытки обосновать правомерность применения кномадам понятий типа “степная скотоводческая цивилизация”¹⁰ и даже “кочевая мегацивилизация”¹¹. Правда, пока они носят скорее декларативный, чем научно-практический характер, так как дефицит сведений, особенно пономадам, не дает реальной возможности для сопоставления по одним и тем же количественным критериям классических земледельческих и выделяемых степных “цивилизаций”, что, впрочем, хорошо осознают и сами авторы.

С рубежа 80—90-х гг. цивилизационный подход начинает проникать в проблематику эпохи бронзы. Безусловно, к этому ученых сильно подтолкнули упомянутые выше сенсационные открытия в Синташте и Аркаиме. К памятникам синташтинско-аркаимского типа исследователи начинают широко применять понятия “протоцивилизация”, “протогородская цивилизация”, “древний очаг цивилизации” и т.п.¹² Заговорили о “цивилизационных процессах” в обществах пастушеских скотоводов эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи” и даже о некоем “цивилизационном скачке”¹³, который, правда, завершился “несостоявшейся цивилизацией”¹⁴. Появились и такие словесные монстры, как индоевропейская (индо-иранская) неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов евразийской скотоводческой историко-культурной провинции”¹⁵.

За всем этим научным словотворчеством и даже своего рода состязанием исследователей в оценке древних скотоводческих обществ с почти обязательными эпитетами “цивилизация”, “цивилизационный” стоит не просто очередной курьез, а интересное научное явление — попытка выработать новую исследователь-

скую парадигму. Но очень важно, чтобы она соответствовала изучаемому явлению, была ему адекватна.

По Т. Куну, переход к новой научной парадигме обычно сопровождается постановкой целого ряда новых вопросов и разработкой конкурирующих вариантов их решения¹⁶. Однако, несмотря на активное научное словотворчество, до сих пор не появилось ни одной аналитической работы, действительно демонстрирующей современный цивилизационный подход к обществам Юга России эпохи бронзы и раннего железного века. Более того, практически ни один из известных мне исследователей не дал дефиниции своего понимания “цивилизации” применительно к древним скотоводческим обществам Евразии. Предложенные же для описания этих обществ критерии (высокий уровень скотоводства, выделение ремесел и т.п.) или не соответствуют феномену цивилизации в том его понимании, как оно утвердилось в нашей научной литературе, или же описывают совсем иное состояние общества, мало похожего на цивилизацию. Более того, сейчас в ряде археологических публикаций явно ощущается стремление расширить понятие “цивилизация” до такого предела, чтобы уложить” в него степные и лесостепные культуры эпохи бронзы и железного века. Но при этом оно теряет свое конкретное содержание, а значит и свою эвристическую ценность.

Поэтому стоит, хотя бы кратко, напомнить об основных подходах к пониманию цивилизации в современной науке¹⁷. В отличие от ее многочисленных дефиниций (известно более 300) их не так уж и много — не более четырех.

1. Стадиально-исторический — цивилизация понимается как высшая ступень развития человеческого общества и его культуры, начиная с некоего качественного рубежа в истории человечества, обычно со стадии классового образования и возникновения государственности. Своими корнями это понимание восходит к известной триаде “дикость — варварство — цивилизация” А. Фергюсона, Л. Моргана, Ф. Энгельса.

2. Культурологический — цивилизация (или точнее, цивилизации) как тип культуры со своим неповторимым своеобразием, стилем в духе О. Шпенглера и А. Тойнби.

3. Нормативно-оценочный (аксиологический) — цивилизация как воплощение мирского, материального, повседневного противопоставляется культуре, как чему-то возвышенному, духовному (И. Кант и последующие мыслители).

4. “Французский” — во французском языке слово *civilisation*

обозначает культуру безотносительно к уровню ее развития¹⁸. Поэтому для французского ученого вполне правомерно выделение в Тропической Африке “цивилизации леса”, “цивилизации лука”, “цивилизации копья”, “цивилизации зернохранилищ”¹⁹.

В нашей археологической литературе последних лет встречается весьма расширительное понимание цивилизации во “французском”, реже культурологическом духе²⁰. Но все же в силу хорошо известной традиции в большинстве работ исподволь чувствуется тяготение к стадияльно-историческому подходу Моргана — Энгельса. В трудах ряда исследователей ощущается стремление обнаружить в местных культурах эпохи бронзы археологические признаки цивилизации, хотя мне не известно ни одной статьи, где бы была прямо поставлена эта проблема.

Какие я вижу пути ее решения? Их как минимум три. Все они основаны на сравнительно-историческом методе. Уровень социокультурного развития древних скотоводческих обществ можно определить путем их сопоставления с:

- 1) классическими цивилизациями Древнего Востока и Средиземноморья;
- 2) более поздними обществами кочевников I тыс. до н.э., по которым имеются письменные свидетельства;
- 3) реконструируемыми этнологами и историками первобытного общества переходными стадиями его развития к раннеклассовому обществу и государству.

Первый путь — это сравнение скотоводческих обществ с синхронными цивилизациями Древнего Востока и Средиземноморья. Его условно можно назвать цивилизационным. Для раннего железного века такое сопоставление намечено в статье Ю. В. Андреева о греческом и варварском обществах в Северном Причерноморье²¹, для более позднего периода — в работе А. М. Буровского²². Для эпохи бронзы подобные исследования мне не известны, хотя отдельные интересные мысли о различиях в экономике степных культур и ранних земледельческих цивилизаций высказывались²³. Но, кажется, что само по себе это сопоставление даст лишь отрицательный результат, так как мы имеем дело с обществами разного уровня исторического развития, социальной интеграции и культурной традиции, восходящими еще к первому крупному общественному разделению труда.

Как известно, в современной науке используется несколько общепринятых критериев для выделения ранних цивилизаций. Важно, что многие из них фиксируются археологически. Чаще всего используют известную триаду: 1) появление городов; 2)

монументальной светской и храмовой архитектуры; 3) письменности²⁴. Думаю, что этим список диагностических признаков цивилизации не исчерпывается. Но все они скорее характеризуют культурный комплекс цивилизации, тогда как внутреннюю социально-экономическую сущность этого феномена все-таки составляет появление классового общества и государства²⁵. Наличие последних в обществе находит определенное отражение и в археологическом материале, хотя надо признать, что выявление структуры исчезнувших обществ относится к числу реконструкции высшей степени сложности²⁶.

Разумеется, такие исследования требуют своих источников (демографических, социологических и пр.), в идеале — далеко уже не эмпирических, а представляющих результат генерализации последних. Но, к сожалению, в отечественной археологии специальные исследования в этом направлении практически отсутствуют, может быть, только за исключением отдельных работ по скифологии²⁷. Тем не менее мне представляется перспективным второй, диахронный путь, который по характеру сопоставляемых источников можно обозначить как археологический. Его преимущество состоит в том, что сопоставляются не реконструкции — всегда в большей или меньшей степени субъективные и умозрительные, а реальные археологические параметры сравниваемых обществ. Можно указать конкретные типы археологических памятников и отдельных объектов, которые несут сгустки такой информации. Однако гораздо сложнее найти такие виды источников, которые не просто бы присутствовали в археологии эпохи бронзы и раннего железного века, но были бы соизмеримы, сопоставимы по основным признакам. Таковыми “универсалиями” могут быть:

1. Поселенческие структуры или, точнее, остаточные схемы расселения, так или иначе отражавшие уровень социально-пространственной организации оставивших их сообществ.

2. Господствующие типы и размеры поселений, несущие весьма разнообразную демографическую и социальную информацию.

3. Размеры жилищ, в конечном счете обусловленные такими значимыми социальными параметрами как тип и состав семьи.

4. Различия в размерах погребальных сооружений, указывающие на социальную неоднородность общества.

5. Место престижных захоронений в структуре могильников и отдельных курганов.

В силу понятных причин обнаружить в степи материальные

свидетельства 1—3 практически невозможно. Но зато они массово встречаются в восточноевропейской лесостепи. Важно, что все они представляют достаточно хорошо фиксируемые реалии, которые легко измерить, свести к единому знаменателю, что является непременным условием сравнительных цивилизационных исследований²⁸. В совокупности эти показатели позволяют достаточно надежно установить уровень сложности того или иного общества.

Для разработки поставленных целей из всех перечисленных показателей я бы на первое место поставил поселенческие структуры, достаточно надежно выделяемые методами современной “пространственной археологии”²⁹. Для стадии формирования цивилизации и государственности характерно появление и развитие многоуровневой организации общества³⁰. Действительно, вертикальным социальным структурам соподчинения должны соответствовать горизонтальные, которые в археологии выявляются прежде всего как иерархия поселений различных размеров с разными функциональными признаками³¹. Известно, что без иерархической организации любая сколько-нибудь сложная социальная система оказывается неспособной адекватно реагировать на внешние возмущения и внутренние стрессы и в конечном счете начинает распадаться³². Сейчас “глубина иерархии” все чаще используется как важная единица измерения сложности общества. По мнению ряда исследователей, переход от двухуровневой системы поселений, свойственной вождествам, к трех- и четырехуровневой может рассматриваться как свидетельство появления уже государственной организации³³.

Изучение степных и лесостепных поселений эпохи средней и поздней бронзы показывает, что экономически и политически они скорее всего были вполне автаркичны и независимы друг от друга (здесь я не беру во внимание сезонные стоянки и проблему снабжения металлами). Они были приблизительно одинаковы по своей внутренней структуре и в сущности составляли один “административный” уровень. Сколько-нибудь заметных признаков развития иерархических структур в остаточных схемах расселения обитателей южнорусских степей и лесостепей в эпоху бронзы пока неизвестно³⁴. Весьма показательным, что не выявлено выраженной иерархии поселений даже в “Стране городов” Южного Зауралья XVII—XVI вв. до н. э., где проживало население, наиболее продвинувшееся в социальном и культурном развитии.

Появление иерархических поселенческих структур отчетливо

фиксируется в восточноевропейской лесостепи с VII—VI вв. до н.э., когда повсеместно возникают сотни больших и малых городищ с сопутствующей им свитой поселений более низкого ранга. Почти все они вместе с расположенными поблизости курганными могильниками образуют достаточно четко выраженные микрорайоны памятников, которые в социальном плане скорее всего соответствовали отдельным вождествам³⁵. Это один из самых ярких и массовых показателей уже явно “непервобытного” характера обществ раннего железного века, вышедших на надлокальный путь развития.

С только что рассмотренным признаком тесно связан другой — размеры и типы поселений, которые содержат информацию не только о количественных демографических, но и о некоторых качественных социальных характеристиках оставивших их обществ. Еще со времен Г. Чайлда едва ли не самым распространенным археологическим критерием отличия города от других типов поселений считаются такие размеры, где могло проживать более 5 тыс. человек³⁶. Хотя этот критерий далеко не бесспорен, но лучшего до сих пор не предложено. Поэтому если им воспользоваться, то мы не найдем, так сказать, “городов” в эпоху средней и поздней бронзы. Даже поселения типа Аркаима не дотягивают до этого показателя — их площадь не превышает 2—3 га, а максимальная численность обитателей 2—2,5 тыс. человек³⁷. Площадь остальных, даже так называемых крупных поселений эпохи бронзы, очень редко превышала 1—2 га, а число обитателей — 100—200 человек³⁸. Исключение составляли лишь крупные оседлоземледельческие поселения сабатиновской культуры причерноморской полосы, где, по оценкам специалистов, могло одновременно проживать до 500—600 человек³⁹.

Во многом иная картина наблюдается в раннем железном веке Восточной Европы. С VII—VI вв. до н.э. в лесостепи начинают сооружаться сотни хорошо укрепленных городищ, размеры которых подчас многократно превышают минимальный количественный показатель Г. Чайлда. В Поднепровье появляются городища-гиганты, такие, как Матронинское (200 га), Трахтемировское (500 га), Немировское (1000 га), Большое Ходосовское (2000 га), не говоря уж о знаменитом Бельском городище площадью 4400 га. По самым скромным подсчетам на нем могло проживать не менее 40—50 тыс. человек⁴⁰. Такая концентрация населения требовала принципиально новых управленческих, по существу уже потестарно-политических структур, отличных от традиционных первобытных. Со 2-ой половины V в. до н.э.

большие городища возникают и в степи. Это прежде всего хорошо известные Каменское и Елизаветовское городища, которые были не только торгово-ремесленными, но и административными центрами отдельных областей Скифии. Как бы мы не оценивали все эти памятники скифского времени с позиций формационного или цивилизационного подхода, следует признать, что объективно они свидетельствуют о качественно ином состоянии общества по сравнению с эпохой бронзы, о наличии в нем сильных властных структур, способных подвинуть эти общества к выполнению гигантских по объему работ, и т.п. По-видимому, их археологическим отражением являются расположенные поблизости от степных городищ аристократические могильники, содержащие курганы “царского” ранга типа Чертомлыка или “Пяти братьев”. Последние служат наглядным показателем концентрации власти и богатства в руках скифских царей и их номархов, которые по размерам погребальных сооружений и роскоши сопровождающего инвентаря не имеют аналогов даже в памятниках более поздних “кочевых империй” Средневековья. Они же являются яркими свидетельствами существования у номадов не только сложных, но и суперсложных вожеств, перерастающих на 3-й стадии кочевания в раннегосударственные образования.

На мой взгляд, исследователи далеко не в полной мере обратили внимание еще на один важный археологический критерий, отражающий уровень социального развития общества, — это размеры жилищ. А они также в целом разительно отличаются в культурах эпохи бронзы и раннего железного века Восточной Европы. Для поселений эпохи средней и поздней бронзы характерны жилища больших и очень больших размеров площадью от 50—70 до 150—300 и более кв. м. Такие постройки сооружались в Синташте и Аркаиме, они доминируют в абашевской, алакульской, срубной и других культурах эпохи поздней бронзы⁴¹. По практически единодушному мнению исследователей, они служили жилищами большой патриархальной семьи или даже патронимии⁴². Весьма показательным то, что в “Ригведе” и “Авесте” этим словом обозначалось не только жилище, но и сама большая патриархальная семья, которая вела общее хозяйство⁴³.

Совсем другой тип жилищ мы находим на городищах и поселениях раннего железного века Юга Восточной Европы. Их обычные размеры от 10—12 до 20—30 м, что указывает на иной тип малой патриархальной (нуклеарной) семьи⁴⁴. Численность такой семьи исследователи определяют в пределах от 3—4 до 6—

7 человек, что находит подтверждение и в античной традиции (Luc., Scuth., 1; *ibidem*, Tox., 61). Вообще, если под этим углом зрения посмотреть на размеры жилищ в обществах переходного типа, где появляются первые признаки цивилизации, то почти повсеместно мы увидим их резкое сокращение до площади, необходимой для проживания одной малой семьи. В этом смысле домостроительные традиции степного и лесостепного населения раннего железного века определенно стоят гораздо ближе к этой ступени/нежели таковые в большинстве культур бронзового века.

Наконец, следует остановиться еще на одном виде археологических источников, которые чутко отражают состояние общества, отсутствие или наличие в нем социальной стратификации. Это курганные могильники — самый массовый и, пожалуй, наиболее исследованный тип археологических памятников Степной и Лесостепной Евразии. В работах специалистов по эпохе бронзы сейчас широко бытует мнение о наличии в оставших их сообществах выраженной социальной стратификации. Исследователи с большей или меньшей степенью осторожности пишут о социальной дифференциации и стратификации, о сословном делении общества, о выделении в нем социальных групп и даже сословий жрецов, воинов-колесничих (и даже колесничной аристократии!) и рядовых общинников-скотоводов⁴⁵. А некоторые находят в наших степях все признаки варнового и даже кастового строя по древнеиндийской модели⁴⁶.

Однако при ознакомлении с этой проблемой у меня сложилось впечатление, что вопрос о наличии сословий в обществах скотоводов II тыс. до н.э. не так уж ясен и очевиден, как об этом пишут многие археологи⁴⁷. Я бы хотел обратить внимание на то, что одно дело — выделить серию престижных погребений, например колесничих, и совсем иное дело — доказать, что они действительно были организованы в сословие. Для определения сословного статуса умершего не достаточно присутствия в его погребении одних социальных индикаторов — *необходимо установить их связь с пространственной организацией могильника и даже отдельного кургана*. Только наличие такой достаточно жесткой зависимости позволяет говорить о принадлежности погребенного к данной корпоративной группе⁴⁸.

Специалистам по кочевническим культурам раннего железного века хорошо известны не только царские некрополи типа Чертомлыка и Солохи (последегеродотов Геррос?), но и воинские дружинные могильники типа Посульских и Среднедонских кур-

ганов скифского времени или “Золотого кладбища” на Кубани сарматской эпохи⁴⁹. В последних не менее 50 % погребенных, т.е. практически вся мужская часть, действительно имели основные атрибуты воинов, включая не только наступательное вооружение, но зачастую и защитный доспех. Как правило, их погребали под индивидуальными насыпями, которые составляли большие могильники, насчитывающие десятки, а иногда и сотни насыпей. Похоже, что начиная со скифской эпохи мы имеем все основания утверждать о наличии в обществах скотоводов профессиональных воинов-дружинников и военной аристократии. Для этого времени вполне уместно говорить о *сословном делении общества*. Ведь сословия — это социальные группы, различающиеся прежде всего по положению в обществе, которое закреплено обычаями, религией, а позже — юридически⁵⁰. Хорошо известно, что в сословном (варновом, кастовом и т.п.) обществе представителей различных сословий, как правило, погребали на разных некрополях или в различных частях одного кладбища. В “Илиаде” Диомед напоминает, что прах его отца покоится под курганом в Фивах (II., XIV, 220), демонстрируя тем самым свою принадлежность к *αἰῶθοτ*. Позже афинских эвпатридов хоронили отдельно от демоса на особом некрополе⁵¹. Как показывает история переселения в Рим рода Клавдиев и получения ими усыпальницы у подножья Капитолийского холма (Suet., Tib., I, 1), одним из важнейших атрибутов патрицианского сословия также было обладание общим местом погребения, включая *gentilius tumulus* — родовой курган. Судя по всему, в подобной усыпальнице была погребена голова полководца Квинтилия Вара, погибшего в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э.

Кажется, даже самые яркие и наиболее полно исследованные могильники эпохи средней бронзы типа Синташты — Потаповки во многом не отвечают этому важному критерию. Они содержали погребения и рядового населения и отдельные захоронения воинов-колесничих. Более того, почти повсеместно престижные и рядовые погребения совершались под одной насыпью, что обычно рассматривается исследователями как свидетельство их родства или принадлежности к одной социальной группе, семье, клану. В одних курганах наиболее престижные по размерам погребальных сооружений и сопровождающему инвентарю захоронения располагались по центру, а рядовые — на периферии; в других — и среди периферийных погребений встречались захоронения со всеми археологическими признаками высокого социального статуса. На мой взгляд, эти факты свидетельствуют о

том, что оставившие их роды или семейные группы включали лиц как высокого, так и обычного социального статуса. Во всяком случае, он еще не передавался по наследству. Под одним курганом сначала могли похоронить “прародителя” высокого ранга, а затем — его сородичей и потомков, в том числе и рядового статуса. Под другим курганом основное погребение могло принадлежать рядовому члену социума, — как правило, оно никак особо не выделялось, а одно из наиболее поздних и периферийных — представителю более высокого социального ранга. Поэтому даже у скотоводов эпохи средней бронзы (абашевцев, синташтинцев) социальная стратификация лиц еще не была институционализована, во всяком случае, до уровня обособления могильников знати, хотя ранговая дифференциация уже налицо, о чем прежде всего, свидетельствует отличие инвентаря захоронении воинов от инвентаря погребений основной массы скотоводов.

К близким заключениям сейчас приходят и некоторые специалисты по культурам эпохи бронзы, детально изучавшие крупные курганные могильники⁵². Они резонно полагают, что многие суждения о социальной стратификации в этих обществах не находят подтверждения в археологическом материале. Такая, более взвешенная оценка уровня социального развития древнейших скотоводческих обществ находит дополнительное подтверждение в сакральных текстах индоариев, в которых часто видят носителей степных культур эпохи средней бронзы. Недавно Т. Я. Елизаренкова обратила внимание на то, что в “Ригведе” не столько царь или кшатрий, вступал на колесницу, сколько вступавший на колесницу становился царем или кшатрием и что воинское назначение колесницы не мыслилось как исходное⁵³.

Представляется, что в этом случае правомернее говорить не о стратифицированном обществе, а об обществе ранжированном, если использовать известную классификацию М. Фрида⁵⁴. В догосударственную эпоху он выделял *эгалитарные, ранжированные и стратифицированные общества*. Если вернуться к нашему вопросу, то данные археологии скорее свидетельствуют лишь о начале процесса выделения *военно-аристократической верхушки* даже в самых развитых обществах скотоводов рубежа средней и поздней бронзы, так как по материалам больших могильников не прослеживается наследования статуса погребенных. Видимо, здесь принадлежность к определенному социальному рангу обуславливало еще не происхождение, а физические и профессиональные качества индивидуума, его личные заслуги, например

воинская слава. Сами же эти могильники, скорее всего, были общими (семейно-родовыми) кладбищами, где совершались захоронения и рядовых скотоводов, и “знатных людей” в исконном русском значении этого слова. Для обозначения подобного явления А. Н. Гей недавно применил термин “*ситуационное ранжирование*”, когда в условиях повышенной военной опасности или дальних миграций в обществе возникают подобные военизированные структуры⁵⁵. Это название представляется мне весьма продуктивным. Оно не только весьма удачно описывает, но и в какой-то мере объясняет феномен стремительного появления и такого же быстрого по масштабам эпохи бронзы исчезновения воинов-колесничих в скотоводческих обществах Евразии XVII—XVI вв. до н.э.

Как известно, ранжированным обществам было еще далеко до стадии государственности и цивилизации. Да многие и из них до этой стадии и не дорастали. Поэтому мне кажется, более правомерной оценка обществ эпохи бронзы В. М. Массоном как комплексных или даже ранних комплексных⁵⁶. Нужно отметить, что в современной науке все более утверждается идея о неуниверсальности государственной формы организации непервобытных обществ⁵⁷. По-видимому, к этому типу начальной социально-потестарной организации могли принадлежать некоторые скотоводческие общества эпохи средней бронзы, в том числе и наиболее “продвинутое” синташтинско-аркаимское. Пришедшие же им на смену срубно-алакульские социумы демонстрируют явные черты социального регресса. На мой взгляд, они обладают рядом существенных признаков так называемых акефальных обществ⁵⁸.

В последнее время становится все более очевидным еще одно кардинальное различие в социальной организации пастушеских скотоводов эпохи бронзы и кочевников раннего железного века. В конечном счете оно было обусловлено характером разделения труда между подвижными скотоводами и оседлым земледельческим населением. В эпоху средней и особенно поздней бронзы между ними еще не ощущается существенных различий этнокультурного и социального плана. По авторитетному заключению Е. П. Бунятян, в ту пору территориальное разделение труда осуществлялось внутри общины: одна ее часть жила оседло, другая, сопровождая стада, вела подвижный образ жизни⁵⁹. Во многом иная картина складывается на Юге Восточной Европы с появлением номадов. Последние стремились подчинить себе оседлое население, насильственно включить его в свою социально-эко-

номическую систему. На этой основе возникает феномен ранней Скифской государственности, где, судя по всему доминировал так называемый *экзополитарный* или, по более точной терминологии, *ксенократический слобод производсва*⁶⁰. Он базировался на так называемой дистанционной (война, грабеж, “подарки”) и даннической эксплуатации воинственными кочевниками оседло-земледельческого населения. Привыкшие выпасать свой скот, кочевники легко становились, по выражению А. Тойнби, “пастырями” местного “человеческого стада”⁶¹. В скифское время наглядным материальным свидетельством существования именно этого “способа производства” являются лесостепные городища. Основные места обитания местного земледельческо-скотоводческого населения, по соседству с которыми часто возникали большие курганные могильники номадов — истинных хозяев не только степных, но и лесостепных просторов. На Дону такая ситуация повторилась и в сарматское время.

Итак, изучение в диахронии обществ эпохи бронзы и раннего железного века Юга Восточной Европы показывает весьма существенные *структурные различия* между ними, не сводимые лишь к разнице их хозяйственно-культурных типов. В социальном плане степные и лесостепные общества II тыс. до н.э. выглядят более гомогенными, особенно в сравнении с более стратифицированными кочевническими образованиями I тыс. до н. э. Последние имели более крупные масштабы и более сложную социально-политическую организацию. В лесостепи они отличались появлением определенной иерархии поселений внутри локальных микрорайонов, наличием крупных и хорошо укрепленных городищ (некоторые из них явно выполняли административные функции), повсеместным распространением жилищ небольших размеров, рассчитанных на малую патриархальную семью, наконец, сооружением отдельных некрополей для властвующей военно-аристократической элиты. Ее владычество в Скифии прямо подтверждают античные источники (Herod., II, 167; Ps. — Нур., De aere, 22, 30; Luc., Scyth., 1,3,5; Athen., XII, 27). Они же не оставляют сомнений в наличии у тех же скифов не только аристократии, но и государственности с правящей царской династией. Развитие этого института в Скифии надежно документируется не только свидетельствами античных авторов, но и иконографическими образами хищников, в том числе в характерных геральдических позах, служивших символами власти в развитых вождествах и ранних государствах⁶², не говоря уж о сюжетах греко-скифского антропоморфного искусства, а так-

же нумизматических материалах с легендами скифских царей⁶³. Наличие достаточно развитых властных структур как в степи, так и в лесостепи подтверждает упоминание Геродотом “царей” будинов, гелонов, меланхленов и других лесостепных “этносов”, участвовавших в военном совете скифов в самый напряженный момент войны с Дарием (Негод., IV, 102, 119). О том же свидетельствуют курганы лесостепной знати от Днепровского Правобережья на западе до Среднего Подонья на востоке. Причем даже по составу керамического комплекса инвентарь последних резко отличался от культуры рядового населения близлежащих городищ⁶⁴. Видимо, в скифо-сарматскую эпоху мы иногда имеем дело с моделями политогенеза, направленными на становление “ранней государственности”, что в археологии косвенно проявляется в формировании субкультуры властвующей элиты.

Однако при всем этом я бы сейчас не решился утверждать о наличии у скифов или сарматов цивилизации в стадийно-историческом смысле. И дело здесь не только в принципиальной несовместимости цивилизации в изначальном смысле этого слова, — а оно все-таки всегда вызывает определенные ассоциации с гражданским обществом и городской жизнью, заложенные в его латинской основе, — и номадизма, где последние отсутствуют или не являются базовыми. Существенное другое. У скифов, как, впрочем, и у других номадов, не получил развития такой важнейший атрибут цивилизации как письменность. Ряд современных исследователей вполне резонно рассматривают именно письменность в качестве обязательного признака цивилизации, отличающего ее от первобытных “доисторических” обществ. По авторитетному мнению И. Е. Гельба, письмо существует только в условиях цивилизации, а цивилизация не может существовать без письма. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова определяют цивилизацию как культуру классового общества, овладевшего письменностью⁶⁶, с чем согласны и некоторые археологи⁶⁷. В том же духе определяет цивилизацию и Мак-Нейл, полагающий, что цивилизацией можно назвать лишь тот тип общества, в котором появляется корпус авторитетных текстов, призванных регулировать возникающие социально-бытовые отношения.

Видимо, связь цивилизации, классового общества и письменности далеко не случайна. По мнению Р. Барта, одно из свойств письменности — быть средством социального господства⁶⁸. Действительно, письменность как знак приобщения к цивилизации появляется в большинстве раннеклассовых земле-

дельческих обществ, что осознавали уже и сами древние. На это были свои глубокие социально-экономические и религиозные причины, связанные с особенностями функционирования именно земледельческих обществ, прежде всего с насущной потребностью во всеохватывающей системе учета и распределения людских и материальных ресурсов в рамках дворцового или храмового хозяйственного механизма.

Скотоводческое общество по самой своей природе не требовало развития таких сложных и изощренных систем учета и контроля, которые мы знаем в древнейших речных цивилизациях. И данные нарративных источников, и этнография кочевников свидетельствуют, что у подавляющего большинства пастушеских народов не было своих собственных систем письма, а значит, и корпуса авторитетных текстов по крайней мере до перехода к прочной оседлости и до возникновения у них “кочевых империй”. Становление патушества, а затем и кочевого скотоводства не сопровождалось таким скачкообразным увеличением объема самой разнообразной информации, который и породил письменность в древнейших земледельческих цивилизациях⁶⁹. Скотоводы прекрасно обходились традиционными способами передачи значимой для них информации. Поэтому у них не получала сколько-нибудь глубокого развития письменная культура, хотя различные знаковые системы, в частности тамги хорошо известны⁷⁰. Видимо, то же самое следует сказать и о культуре более ранних скотоводов эпохи бронзы, хотя в последнее время ряд исследователей, вопреки имеющемуся материалу, постулируют появление письменности уже в пастушеских обществах II тыс. до н.э.⁷¹ и даже находят в некоторых знаках аналог в прото- и раннеалфавитных системам письма⁷². Против этого свидетельствует хотя бы развитая система орнаментации керамики эпохи бронзы, которая сама по себе является надежным признаком устной культуры⁷³.

Высказанные здесь суждения об уровне социокультурного развития пастушеских обществ II тыс. до н. э. и номадов I тыс. до н.э. ни в коей мере не претендуют на роль истины в последней инстанции. Скорее они являются плодом многолетних раздумий и дискуссий автора со своими коллегами по кафедре — специалистами по культурам эпохи бронзы. Однако представляется, что изложенный в настоящей статье подход имеет определенные преимущества перед цивилизационным и этнологическим. Отказ от ставшего уже традиционным для нашей науки

изолированного, статичного рассмотрения этих обществ в узких рамках только “своей” эпохи позволяет выявить весьма глубокие, я бы даже сказал качественные различия между ними. Что стоит за ними — различия типологические или стадиальные — однозначно ответить не берусь. Может быть, это два разных пути развития скотоводческих обществ Евразии (“пасторализм” и “номадизм”) со своими весьма разнообразными социокультурными атрибутами, тем более, что между ними практически не прослеживается преемственности после катастрофы рубежа эпохи бронзы и железного века⁷⁴. Но мне кажется, что в этих двух моделях социальной организации все-таки можно видеть и две стадии в развитии скотоводческих обществ Евразии с явными признаками формирования иерархических, а затем и раннегосударственных образований у кочевников, начиная с I тыс. до н.э.

---

¹ См.: *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 54—72; *Генинг В. Ф., Зданович Г. В., Генинг В. В.* Синташта. Челябинск, 1992. С. 375—387; *Зданович Г. Б.* Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: исследования, поиски, находки. Челябинск, 1995. С. 21—42.

² См.: *Dumezil G. L'* Ideologic tripartite des indo-européens. Bruxelles, 1958.

³ См.: *Хазанов А. Л.* Скифское общество в трудах Ж. Дюмезиля // ВДИ. 1974. № 3. С. 183—192; *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4. С. 68—87; *Смирнов К. К., Кузьмина Е. Е.* Проблема происхождения индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. С. 54—57; *Равский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 145—147.

⁴ См.: *Медведев А. П.* В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев // Вестник ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки. Воронеж, 1997. С. 99—113; Он же. Об атрибуции “жреческих” погребений у ираноязычных кочевников II—I тысячелетия до н. э. // Ист. записки. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 165—171.

⁵ См.: *Куббель Л. Е.* Очерки потестарной и политической этнографии. М., 1988; *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989; *Архаическое общество: узловое проблемы социологии развития.* М., 1991. Вып.1—2; *Ранние формы социальной стратификации.* М., 1993; *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М., 1995. С. 1—61; *Альтернативные пути к ранней государственности.* Владивосток, 1995; *Потестарность: генезис и эволюция.* СПб., 1997.

⁶ *Мартынов А. И.* Степи Евразии в истории человечества // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 1. С. 3—8; Он же. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 284—291; *Martynov A.* Scytho-Siberian World of Eurasia as a Steppe Cattle-Breeding

Civilization of 7th—6th Centuries BC // The archeology of the Steppes. Methods and Strategies Napoli. 1994. P. 643—649.

⁷ Совещание по проблеме “скифо-сибирского мира” // КСИА АН СССР. 1993. № 207. С. 3.

⁸ *Башилов В. А.* Можно ли считать скифо-сибирский мир “цивилизацией кочевников”? // КСИА АН СССР. 1993. № 207. С. 36—37.

⁹ *Зуев В. Ю.* К вопросу о “скифской цивилизации” // Древние культуры и их археологическое изучение: Мат-лы к пленуму ИИМК 26-28.11.1991. СПб., 1991. С. 58—63.

¹⁰ *Буровский А. М.* Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления // Цивилизации. М., 1997. Вып. 3. С. 151—164.

¹¹ *Крадин Н. Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. М., 1995. Вып. 3. С. 165—166.

¹² *Генинг В. Ф.* и др. Синташта; *Зданович Г. Б.* Феномен протоцивилизации бронзового века Урало-Казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 179—189; *Он же.* Аркаим. С. 21—42; *Он же.* Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47—62; *Отроценко В. Д.* Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1996. С. 24.

¹³ *Пряхин А. Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1996. Кн. 2. С. 3.

¹⁴ *Зданович Г. Б.* Аркаим. С. 39—42.

¹⁵ *Малов Н. М.* Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции — звено мозаичной мироцелостности // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С. 7—10.

¹⁶ См.: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 117—127.

¹⁷ *Fisch J.* Zivilization, Kultur // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart: Klett-Gotta. Bd. 7. S. 679—774; *Гринин Л. Е.* Формации и цивилизации // Философия и общество. 1998. № 2. С. 10—13; *Мчедлова М. М.* Понятие “цивилизация”: история, методология // Философия и общество. 1999. № 1. С. 139—153.

¹⁸ См.: *Littre E.* Dictionnaire de la langue francais. Paris., 1889. P. 670; *Bünöton Ph.* Histoire de mots: culture et civilisation. Paris. 1975; *Starobinski J.* Le mot *civilisation* // Le temps de la réflexion. Paris, 1983. T. 4. P. 30.

¹⁹ *Маке Ш.* Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974.

²⁰ См.: *Крадин Н. Н.* Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии. С. 167—179.

²¹ *Андреев Ю. В.* Греки и варвары в Северном Причерноморье // ВДИ. 1996. № 1. С. 3—17.

²² См.: *Буровский А. М.* Указ. соч. С. 151—164.

²³ См.: *Кузьмина Е. Е.* Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ. 1996. № 2; 1997. № 2.

²⁴ См.: Kluckhohn C. The moral order in the expanding society // *City Invincible: A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East*. Chicago, 1960; *Renfrew C. The Emergence of Civilization. The Cyclades and Aegean in the Third Millenium B.C.* L., 1972.

²⁵ См.: *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989. С. 9.

²⁶ См.: *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2. С. 91.

²⁷ См.: *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV—III вв. до н.э.). Киев, 1985.

²⁸ См.: *Ерасов Б. С.* Цивилизация: смысл слова и определение термина // *Цивилизации*. М., 1997. Вып. 3. С. 189.

²⁹ См.: *Clark D. C.* Spatial information in archeology // *Spatial archeology*. L., 1977; *Колесников М. А.* Пространственный анализ в современной археологии // *Социально-пространственные структуры в стадильной характеристике культурно-исторического процесса*. М., 1982. С. 30—32.

³⁰ См.: *Carneiro R. L.* On the Relationship between Size of Population and Complexity of Social Organization // *Southwestern Journal of Antropology*. 1967. Vol. 23. P. 234—243.

³¹ *McAdams R., Nissen H. J.* The Uruk Countryside. The Natural Setting of Urban Societies. Chicago London, 1972,

³² См.: *Кашинина Т. В.* Происхождение государства и права. М., 1999. С. 93.

³³ См.: *Джонсон Д. А.* Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (приложение к этнологии и археологии) // *Древние цивилизации Востока*. Ташкент, 1986. С. 98—100; *Антонова Е. В.* Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998. С. 122—126.

³⁴ См.: *Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы*. Воронеж, 1990. С. 22—29.

³⁵ См.: *Медведев А. П.* К истолкованию феномена Воронежских курганов скифского времени // *Ист. записки*. Воронеж, 1996. Вып. 1. С. 174—182.

³⁶ *Cilde V. G.* The Urban Revolution // *Tawn Planning Review*. 1950. Vol. 21. P. 9.

³⁷ *Зданович Г. Б.* Аркаим. С. 35 .

³⁸ *Грязнов М. П.* Землянка бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону // *КСИИМК*. 1953. № 50. С. 146; *Березанская С. С.* Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990. С. 92; *Пряхин А. Д.* Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы Воронеж, 1993. Кн. 1. С. 14; *Бровендер Ю. М.* Топография и планировка поселений срубной культуры в Среднем Подонцовье // *Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей*. Ч. 2. Донецк, 1996. Ч. 2. С. 4—8 .

³⁹ *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982. С. 42.

⁴⁰ *Шрамко Б. А.* Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов Скифии // *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев, 1994. С. 225.

⁴¹ См.: *Поселения и жилища древних племен Южного Приуралья*. Уфа, 1983; *Пряхин А. Д.* Указ. соч. С. 71; *Зданович Г. Б.* Аркаим. С. 29; *Сер-*

геева О. В. Опыт социологической реконструкции жилищ эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Тез. науч. конф. Саратов, 2000. С. 118—122.

⁴² См.: Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. С. 84.

⁴³ См.: Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в “Ригведе”. М., 1999. С. 19—48.

⁴⁴ См.: Моруженко А. А. Жилища лесостепной Скифии VII—III вв. до н.э. // Материалы науч. конф. кафедр исторических наук Донецкого государственного университета. Харьков; Донецк, 1968. С. 232—241; Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи. Киев, 1987. С. 37—69; Медведев А. П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.). М., 1999. С. 66. Табл. 3.

⁴⁵ См.: Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт... С. 85; Матвеев Ю. П. Воинские погребения эпохи средней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.— V в. н.э.). Киев, 1991. С. 117—119; Пряхин А. Д. Размышления в связи с феноменом покровских древностей // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 5. С. 29—30; Бочкарев В. С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С. 23—24; Цимиданов В. В. Воинские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 79—81; Кузнецов П. Ф. Проблемы миграций в развитом бронзовом веке Волго-Уралья // Древности Волго-Донских степей в системе Восточноевропейского бронзового века. Волгоград, 1996. С. 29; Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж. 1996. С. 293—323.

⁴⁶ См.: Пустовалов С. Ж. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим данным // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. V. С. 21—32; Нелин Д. В. К проблеме сложения варны воинов-колесничих (по материалам Южного Зауралья) // Историко-археологические изыскания: Сб. молодых ученых. Самара, 1999. Вып. 3. С. 51—60.

⁴⁷ См.: Медведев А. П. В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев. С. 99—113.

⁴⁸ См.: Акишев К. А. Археологические ориентиры прогнозирования структуры древних обществ Степной Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии III—I тыс. до н.э. Челябинск; Аркаим, 1999. С. 29.

⁴⁹ См.: Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968; Гущина И. И., Засецкая И. П. “Золотое кладбище” римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994; Медведев А. П. Ранний железный век. М., 1999. С. 117—128.

⁵⁰ Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества // XIII Международный конгресс исторических наук: Докл. конгресса. Т. 1, ч. 3. М., 1970. С. 129—149; Куббель Л. Е. Сословие // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1996. С. 190—191.

- ⁵¹ См.: *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 19.
- ⁵² См.: *Костюков В. П., Епимахов А. В., Неволин Д. В.* Новый памятник эпохи средней бронзы Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995. С. 177—178.
- ⁵³ См.: *Елизаренкова Т. Я.* Мир вещей по данным “Ригведы” // Ригведа. Мандалы V—VIII. М., 1999. С. 509.
- ⁵⁴ *Fried M. H.* On the Evolution of Social Stratification and the State // Culture in History. N.-Y., 1960. С. 715-721
- ⁵⁵ См.: *Гей А. Н.* Ново-Титаровская культура (предварительная характеристика) // РА. 1991. № 1. С. 66.
- ⁵⁶ См.: *Массон В. М.* Ритмы культурогенеза и концепция ранних комплексных обществ // Вестник РГНФ. 1998. № 3. С. 41—47.
- ⁵⁷ См.: *Бондаренко Д. М.* Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // Восток. 1998. № 1. С. 195.
- ⁵⁸ См.: *Березкин Ю. Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации. М., 1995. С. 62—78.
- ⁵⁹ См.: *Бунятян Е. Л.* Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы // Срубная культурно-историческая общность в системе древнейшей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Воронеж, 2000. С. 39—42.
- ⁶⁰ См.: *Крадин Н. Н.* Указ. соч. С. 174—178; *Он же.* Империя хунну. Владивосток, 1996. С. 141—143; *Он же.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 329—330.
- ⁶¹ *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 187.
- ⁶² См.: *Березкин Ю. Е.* Указ. соч. С. 66.
- ⁶³ См.: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 145—171.
- ⁶⁴ См.: *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.). М., 1999. С. 117.
- ⁶⁵ См.: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. М., 1982. С. 211.
- ⁶⁶ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 885—890.
- ⁶⁷ См.: *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С. 72.
- ⁶⁸ См.: *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 304—306.
- ⁶⁹ См.: *Массон В. М.* Первые цивилизации. С. 9.
- ⁷⁰ См.: *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.
- ⁷¹ См.: *Hausler A.* Fruhe Schriftzeichen im nordpontischen Raum // Zeitschrift fur Archäologie. 1985. № 19/1. S.1—9; *Harmatta J.* Herodotus, Historian of the Cimmerians and Scythians // Herodote et les peuples Non-Grecs. Geneve; Vandoevres, 1990. P. 124—127; *Пряхин А. Д.* Новый этап в исследовании проблематики эпохи бронзы Евразии степи и лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии III—I тыс. до н.э. Челябинск; Аркаим, 1999. С. 59—63.

⁷² См.: *Пустовалов С. Ж.* О росписях на дне катакомб ингульской культуры и о проблемах этносоциальной реконструкции катакомбного общества Северного Причерноморья // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998. С. 22—51.

⁷³ См.: *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 344.

⁷⁴ *Medvedev A.* The Development of Hierarchical Structures in the Bronze and Early Iron Age // *Hierarchy and Power in the History of Civilisations.* International Conference. М., 2000.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории

ИИМК — Институт истории материальной культуры

КСИА — Краткие сообщения Института археологии

РА — Российская археология

РГНФ — Российский фонд фундаментальных исследований

СА — Советская археология